

Татьяна Март

А

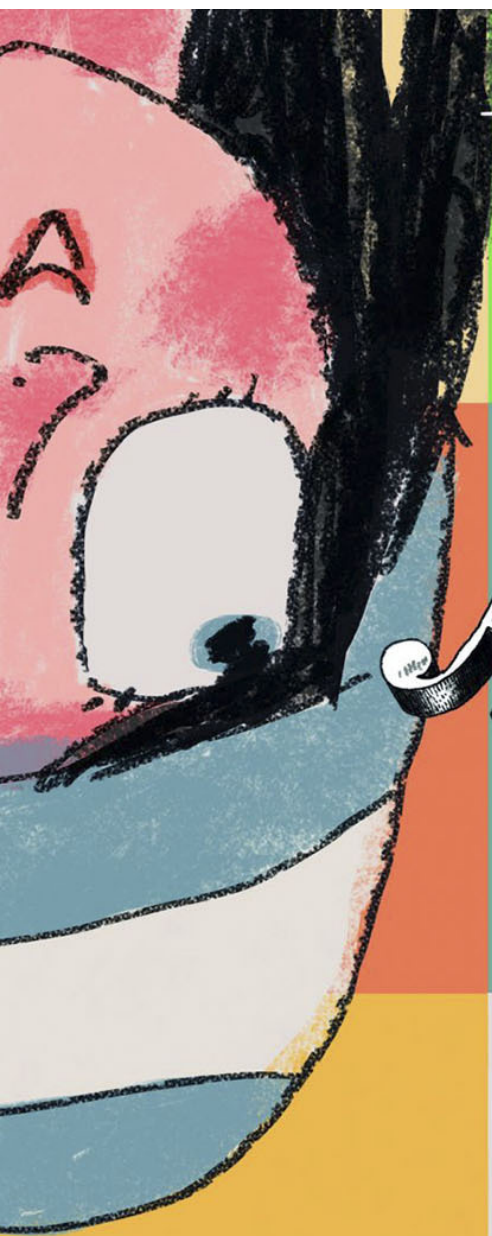
НЬКА

М

И

НЬКА

И

КомпасГид
издательский дом

Татяна Март
Анька М и Анька П

ИД "КомпасГид"

2019

УДК 861.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Март Т.

Анька М и Анька П / Т. Март — ИД "КомпасГид", 2019

ISBN 978-5-00083-556-2

Одна Аня живёт в Санкт-Петербурге, и у неё есть сестра в Москве. Вторая Аня живёт в Москве, и у неё тоже есть сестра — та самая, что в Петербурге. Тройродные Аньки похожи друг на друга, как... Красная площадь и Невский проспект! Москвичи и петербуржцы — очень разные. Это выясняют героини рассказов Татьяны Март, когда гостят поочередно в обеих столицах. Меньше семисот километров между городами — а люди даже говорят немного иначе. В Москве белую булку почему-то называют хлебом (хотя каждому известно, что хлеб — чёрный), зато в Петербурге не пончики, а пышки, не подъезды, а парадные. И вообще, Питер, оказывается, вполне мог называться Москвой. Всякий читатель 8—12 лет легко узнает себя в героинях историй. Девочки попадают в череду забавных ситуаций, вызванных разницей мировосприятия. Но за языковыми и культурными различиями, за сравнением городов, за радостями и ссорами героинь скрывается важный подтекст: чтобы научиться понимать другого человека, нужно уметь смотреть на мир его глазами. По сути, именно об этом рассказывает читателям младшего и среднего школьного возраста книга, прекрасно и чуть иронично проиллюстрированная художником Сергеем Гавриловым. Молодая писательница Татьяна Март — петербурженка, филолог по образованию, литературный редактор и обозреватель сайта «Папмамбук», посвящённого современной детской литературе. Её произведения входили в лонг- и шорт-листы известных премий. Новые рассказы — живые и яркие — будут интересны и детям, и взрослым, и не только жителям двух столиц. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 861.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00083-556-2

© Март Т., 2019

© ИД "КомпасГид", 2019

Содержание

Кровь с молоком	9
Принцесса в башне	11
Московский акцент	13
Калач	14
Во саду ли, в огороде...	19
Почему не красная?	22
Сивцев Вражек и компания	24
Улица Анька	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна Март Анька М и Анька П

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Март Т., текст, 2019

© Гаврилов С. А., иллюстрации, 2019

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

Невский проспект

Анька П.

КРОВЬ С МОЛОКОМ

У меня есть сестра. Троюродная. Зовут её так же, как и меня, – Аня. Мы редко видимся, потому что Анька живёт в Москве, а я в Петербурге. Родственники между собой называют нас Аня Питерская и Аня Москвичка, чтобы не путать. Правда, одинаковые у нас только имена. Анька пухленькая, низенькая и кудрявая. А у меня волосы длинные и прямые, и сама я тоже длинная и прямая.

– Как Невский проспект, – шутит бабушка, если сравнивает меня с Анькой. – А сестрица твоя – Красная площадь, круглая да румяная. – И подкладывает мне в тарелку вторую котлету.

Ещё бабушка говорит про Аньку:

– Кровь с молоком!

Я вся съёживаюсь, когда это слышу. Представляю, что какой-нибудь вампир мою аппетитную Аньку съест. И молоком запьёт.

Хорошо, что в Москве вампиры не водятся.

Принцесса в башне

Я приехала в Москву, к Аньке в гости. Ну и мои родители заодно – в гости к Анькиным. Наши бабушки друг другу родные сёстры, а мамы – двоюродные.

Приехали мы днём, в пять часов. Анькины родители были на работе. Поэтому к ним домой мы добирались сами – на метро и пешком. Анька ждала нас дома, каждую минуту посылая мне эсэмэски.

*Вы где?
Долго ещё?
Скучаю!
Жду!
А сейчас вы где?*

И я говорила каждую минуту:

- Мам, пап, мы где?
- Долго ещё?
- Там Анька скучает! Ждёт!
- А сейчас мы где?

Потом слова у Аньки закончились. Она стала присылать грустных ждунов. А я молча шла с родителями по улице Россошанской и думала о том, что название у неё очень... очень... пушистое, вот!

Накануне Анькина мама нам в скайпе сказала:

– По Россошанской пройдёте Сбербанк и две башни. А вам нужна третья, возле которой «Почта России».

Я никогда не была в Москве и даже не удивилась, что Анька с родителями живёт в настоящей башне. Может, здесь все так живут! Ну, или только те, кому повезло поселиться на улице Россошанской.

А ещё я представила, что моя сестра Анька – принцесса. В замке с башней. Совсем как Рапунцель, как Анна с Эльзой. Принцесса Анна...

И вот мы идём по той самой улице. Сбербанк видим, почту видим.

- Мам, пап, а башни где?

Родители остановились. Переглянулись.

- Посмотри гугл-карту, – сказала мама папе.

– Сами найдём! – твёрдо ответил он и завертел головой в разные стороны. Сбербанк был. Почта была. Башен не было.

Я представила на секунду, что принцессу Аньку заколдовали. Вместе с башней. Обе они – Анька и башня – теперь невидимые.

Я занервничала. Родители тоже. Папа полез в карман за смартфоном.

Но тут из дома, возле которого мы стояли, раздался крик:

- Анька-а! Долго ещё?! Я скучаю! Жду!

Мы дружно посмотрели вверх. С балкона виднелась Анькина голова и две руки, махавшие нам с бешеной скоростью.

Родители снова переглянулись. Поглядели на серый высокий дом, из которого нас позвала Анька, и на «Почту России» возле него.

- Башня?! – засмеялась мама.

- Башня! – облегчённо сказал папа. – Московский диалект!

И мы пошли здороваться и обниматься с Анькой. Она хоть и не принцесса, но человек хороший. Главное, ждать умеет.

Московский акцент

Вечером все собрались за столом. Пришла даже Анькина старенькая прабабушка. Увидела меня и сказала протяжно:

– Анечка-а, де-еточка-а!.. Выросла-то ка-ак... Ах, красавица-а...

Она говорила нараспев и чуть-чуть лениво. Никто ещё так мило не называл меня: «Анечка-а...» Тянулось в воздухе певучее «а», перетекало в плавное «э-э» и в новое «а», глубокое, долгое...

– Почему она так... слова тянет? – шепнула я Аньке в самое ухо.

– Московский акцент, – гордо сказала Анька. – Только у старых москвичей сохранился.

– Хочу говорить как старый москвич, – прошептала я.

– Да это легко, я умею, – похвасталась Анька.

И тут же сказала громко, на всю кухню:

– Переда-айте мне, пожа-алуйста-а, булочку...

Но Анькина мама строго велела ей:

– Хватит кривляться!

И булочку не дала.

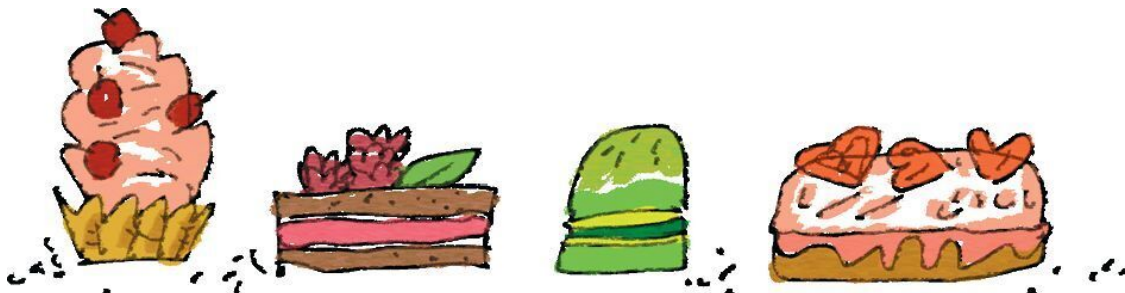
Всё-таки Анька – не старый москвич, а совсем ещё молодой.

Калач

В честь нашего приезда Анькины родители накупили и наготовили разных вкусностей. Я оглядела праздничный стол и робко спросила:

– Можно мне... калач?

– Калач?! – повторила Анькина мама, и брови у неё изогнулись дугами.

– Анюта у нас бабушкиных историй наслушалась, – объяснил мой папа. – Про то, как бабушка раньше калачи покупала...

– В Москве калачи, как огонь, горячи! – выдала я.

– А что такое калач? – влезла в разговор Анька.

– По форме он похож на маленькую гирию. Или на сумочку с ручкой, – объяснил теперь уже Анькин папа. – За «ручку» держали, а «сумочку» ели.

(Папа у Аньки – историк. С усами, бородой и в очках. Он знает про Москву всё на свете! И про калачи, как выяснилось, тоже.)

– Я бы хотела попробовать... – тихо сказала я.

Анькин папа кивнул и озадаченно почесал бороду.

С тех пор мы часто заходили в разные булочные. В кондитерские и кафе. В пекарни-кондитерские и кафе-пекарни, и даже в гастрономический бутик.

Везде мы спрашивали про калачи. А нам отвечали:

- Есть круассаны свежие...
- Датские булочки с марципаном – рекомендую!
- У нас очень вкусная вишнево-фисташковая шибу!
- Слойки с рикоттой и ананасами – не желаете?..
- Капкейки, чизкейки, маффины – выбирайте...
- Возьмите рогалики!

А калачей не было ни разу, нигде. Они даже стали мне по ночам сниться.

В воскресенье утром Анькина мама выставила на кухонный стол дрожжи, муку и большую миску. Сказала решительно:

– Испеку! Я в интернете рецепт нашла.

Мы с Анькой обрадовались, взяли планшеты и устроились за столом. Калачи караулить.

Оказалось, их не так-то просто дожидаться. Надо замесить тесто, дать ему подняться в тепле, убрать в холодильник... В общем, мы поели овощного рагу и пошли в парк. Надолго. Чтобы ждать легче было.

Когда мы вернулись, Анькина мама всё ещё с тестом возилась. Делала из него аккуратные шарики... Плоские лепёшки... И наконец – ура! – тестяные сумочки.

– Давайте ужинать, – сказала Анькина мама.

– Мы калачей подождём! – возразила Анька.

– Заготовки должны сорок минут полежать в тепле...

Мы застонали. И ушли страдать в комнату.

Когда за окном стемнело, с кухни поплыли аппетитные ароматы. Пахло чем-то печёным и нежным... Счастьем пахло!

Мы бросились в кухню.

Там на столе стояло большое блюдо. А на нём лежали долгожданные калачи!

– Им надо остыть! – предупредила Анькина мама.

Но нас было не удержать.

Я схватила калач за «ручку», щедро припудренную мукой. Откусила от «сумочки». У неё была хрустящая корочка и под ней что-то мягкое...

Я разжевала мякиш. На глаза навернулись слёзы. Но не потому, что я обожгла язык.

– Это... это... – выдохнула я. – Калач – это просто булка?!

– Белый хлеб, да, – кивнул Анькин папа. И добавил вполголоса непонятное: – Блины Доди...

– На багет похоже, – сказала Анька. Свой надкусанный калач она сразу вернула на блюдо. А потом посмотрела с сочувствием в мою сторону и стала набирать что-то в планшете.

– Курники, шанежки, расстегаи, кулебяки... – старательно прочитала она. – Вон ещё сколько всего бывает! Да, мам?

Но Анькина мама только рукой махнула. И придвинула ко мне последнюю слойку с ананасами.

Во саду ли, в огороде...

Старейший ботанический сад в Москве называется очень смешно – Аптекарский огород. Будто там на грядках пастилки от кашля и аскорбинка... Но на самом деле повсюду растут кусты, деревья и разные травки, а в прудах плавают черепашки и золотые рыбки. И вообще это настоящий Волшебный сад! Многие растения называются по-сказочному: лунный кактус, дымное дерево, геликонии, фаленопсисы, венерины башмачки...

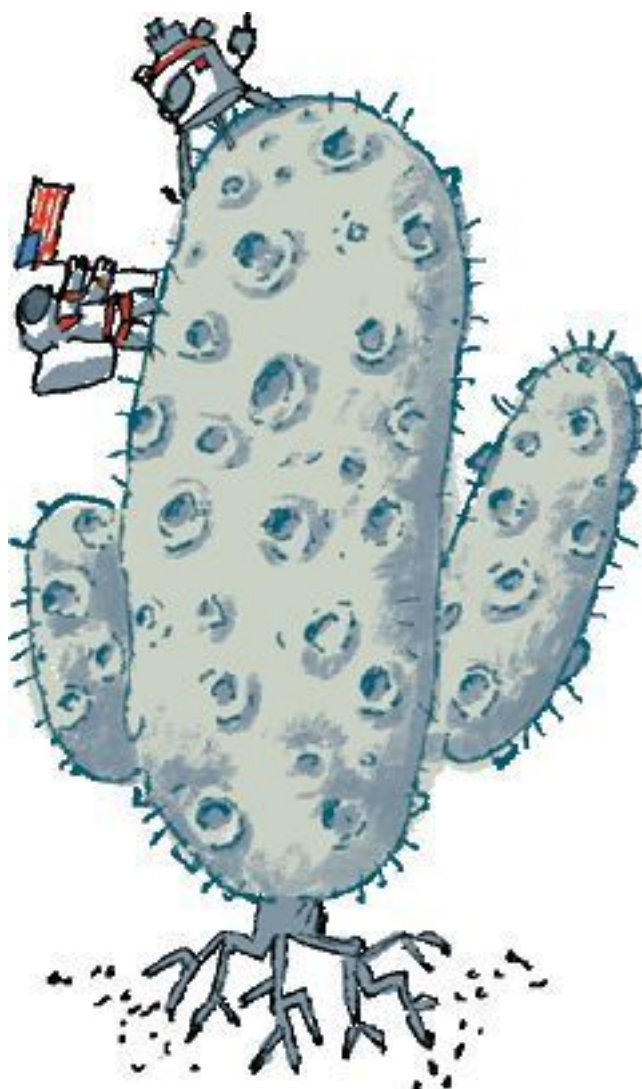
– Смотрите, жасмин! – решила я блеснуть знаниями, увидев знакомые белые лепесточки.

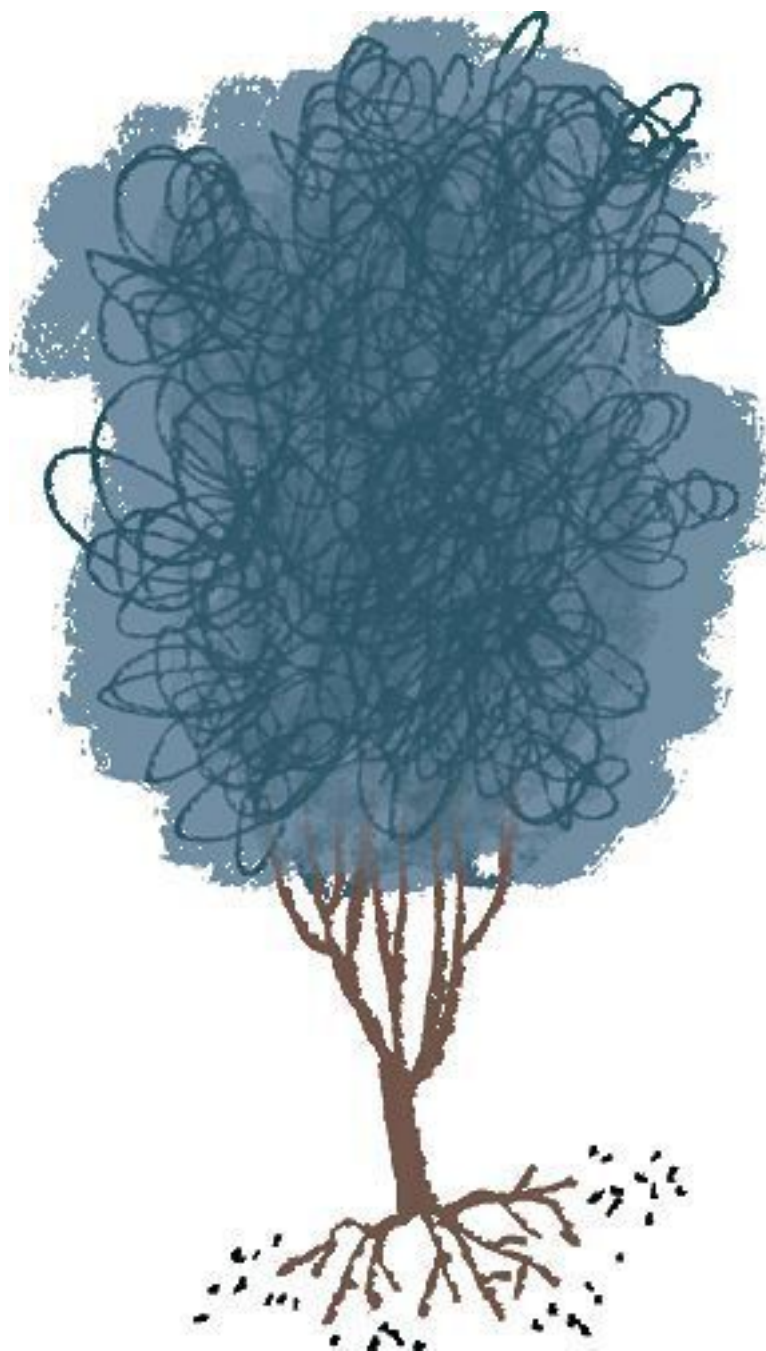
– Так цветёт гречиха, – поправил меня экскурсовод.

– Гречка, что ли? – поразилась Анька.

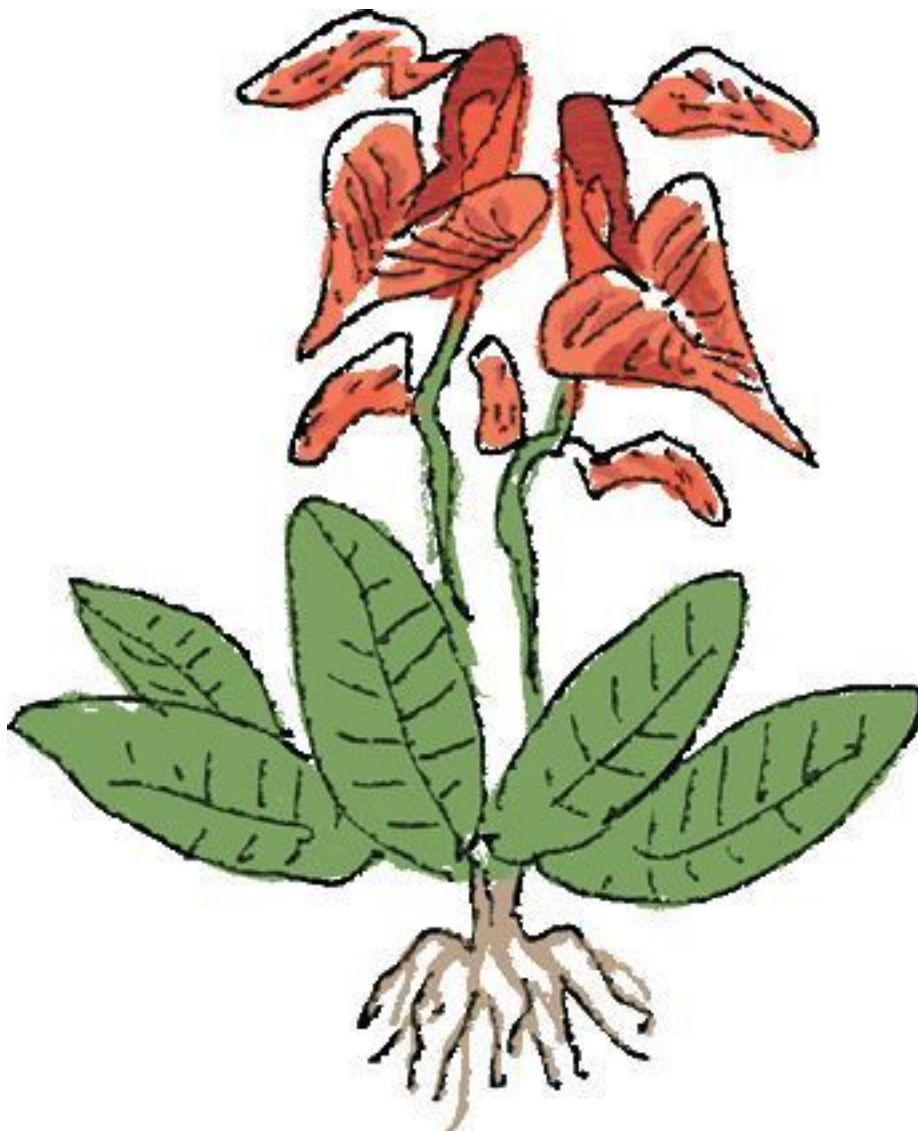
– Ну, пока это именно соцветия гречихи, а в августе созреют плоды – трёхгранные орешки, – охотно ответил экскурсовод. – Родина гречихи – Гималаи и Тибет. К нашим предкам она попала в седьмом веке из Греции, отсюда её название...

Мы с Анькой слушали очень внимательно. Гречка – это была наша больная тема, потому что Анькина мама всё время варила её на завтрак. Даже не верилось, будто эти нежные белые цветы, больше похожие на сливочный мусс, имеют какое-то отношение к мерзкой каше. И мы с Анькой решили, что гречиха и гречка – совсем не одно и то же.

- Бе-е-е, опять эта гадость коричневая... – ворчала Анька наутро, усаживаясь за стол. Я молчала, хотя вид у меня тоже был кислый.
Анькина мама нахмурилась, но потом улыбнулась и покачала головой:
- Нет, это не гречка.
 - А что?! – хором спросили мы.
 - Гречиха. Точнее, гречневые орешки из вчерашнего сада. Посмотрите, какие ровненькие, шоколадного цвета... Отборные!
 - А, так они продавались там? – деловито спросила Анька. – Кстати, про шоколад. Надо было ещё какао купить, там же растёт какао-дерево...
 - Она понюхала орешки в своей тарелке и объявила:
 - Цветами пахнет и мёдом!

Я набрала горсточку в ложку, медленно разжевала:
– На ореховый бисквит в торте похоже...
Тут мой папа, сидящий напротив, издал странный звук – не то кашлянул, не то хрюкнул.
– Ты чего? – удивилась я.
Моя мама сердито глянула на него, и он пробурчал:
– Да нормально всё... Орешками подавился.
Тем временем Анька успела съесть свою порцию и попросила добавки.
А я подумала, что надо бы перед отъездом купить гречневых орешков и взять с собой.
Вдруг у нас в Ботаническом саду не растут такие...

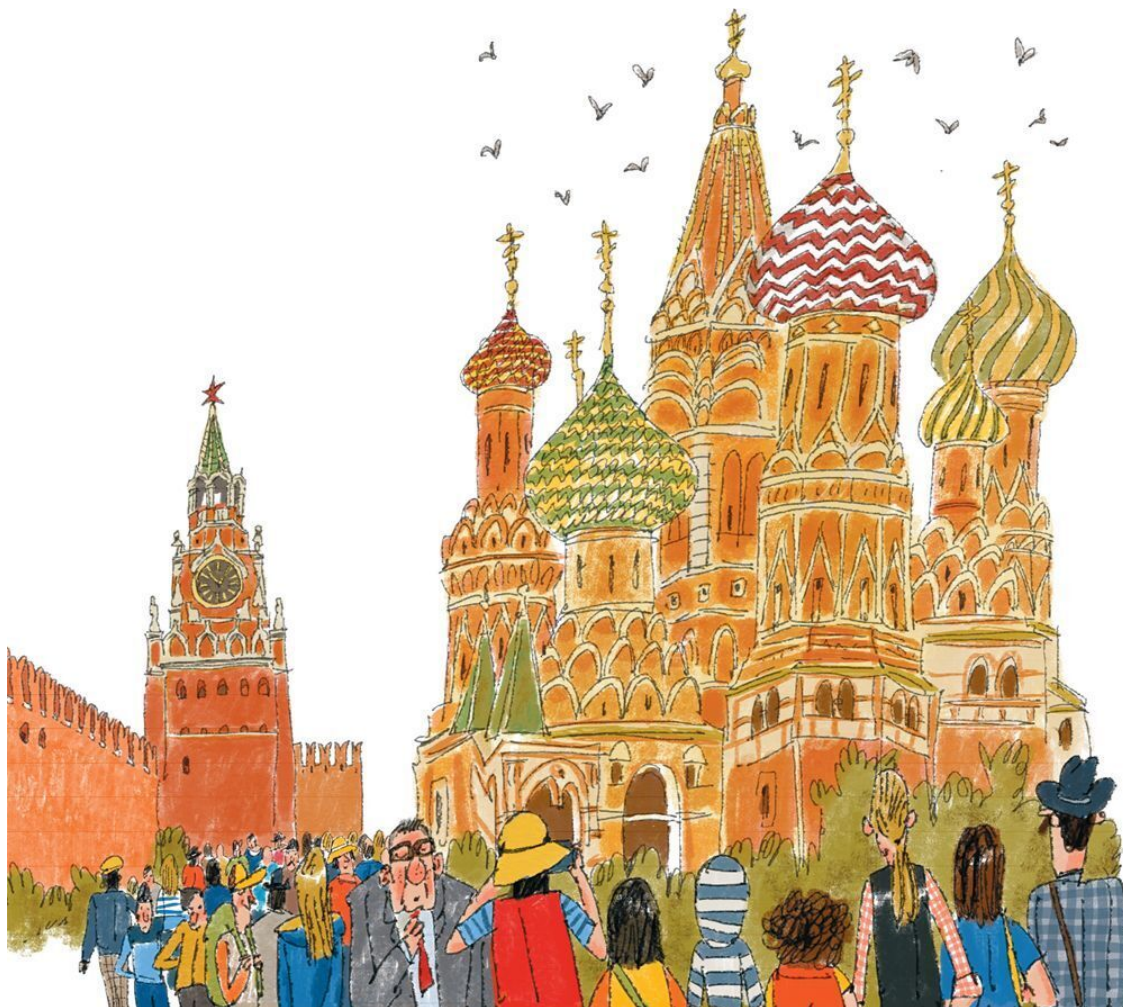
Почему не красная?

– Ань, хочешь посмотреть Красную площадь? – спросила Анька.

– Это так банально... – протянула я.

Анька сразу рассердилась:

– Не хочешь?! А все, кто в Москву приезжает, хотят!

– Я не все, – гордо сказала я.

Но на Красную площадь родители нас всё-таки повели.

Она оказалась очень большая, и везде под ногами – брусчатка. Это такой серый камень.

– А почему Красная площадь не красная? – шепнула я Аньке.

– Так вон, Кремль красный! – обиженно бросила она. – Тебе мало, что ли?

– Кремль, кстати, раньше был из белого камня, – вставил Анькин папа. – Но Красной площадь называлась уже тогда!

– Небанально, да? – съязвила Анька.

– Наверно, Красная в смысле «красивая»! – догадалась я. – Ну, в русских сказках «красна девица» и всё такое...

– По правде говоря, версий много, – замялся Анькин папа. – Но ты права, «красная» означало «красивая». А ещё «самая большая» и «главная».

– Ну что, дальше куда? – спросила Анькина мама. – Просто погуляем? Или в музей хотите?

– В ГУМ, в ГУМ! – затараторила Анька.

А её папа сказал как бы между делом:

– В Историческом музее очень интересно...

Все помолчали, и он повернулся ко мне:

– Ну, Аня, куда пойдём?

– А чего ты у неё спрашиваешь? – возмутилась Анька. – Она что у нас, самая... красная?!

Взрослые засмеялись, а я сказала:

– Давайте в ГУМ, раз Анька хочет.

И мы пошли в ГУМ (хотя это ужасно банально).

Сивцев Вражек и компания

– Аня, надень берет – голову напечёт! – строго сказала Анькина мама. И нахлобучила на неё что-то пёстренькое, коричнево-жёлто-серое, среднее между косынкой, панамой и шляпкой.

– Фу-у, сивцев вражек, – скривилась Анька. – Не хочу-у...

– Чего-чего?! – удивилась я.

– Да сивцев вражек, берет этот дурацкий, – отозвалась она со страдальческим видом.

– А разве не переулочек так называется? – удивилась я. – Мы же шли по нему вчера, и твой папа ещё рассказывал, сколько там жило известных людей и откуда у него такое название... Только я, кажется, не запомнила.

– Ну да, папа всегда про это рассказывает, – терпеливо кивнула Анька. – Вражек значит овраг. Он раньше был на месте переулочка. В овраге речка текла – грязная, серая... сивая то есть. Поэтому Сивцев Вражек.

– Ну а панама твоя тут при чём? – не унималась я.

– Мама говорит, это модный летний берет. Ситцевый, чтобы кожа на голове дышала, – Анька сделала страшные глаза и раззявила рот, изобразив, как, по её мнению, «дышит кожа». – Ну а я его терпеть не могу, так что он мой ситцевый вражек.

– В смысле враг, только маленький? – засмеялась я.

– Ну да! – завопила Анька. – Видишь, на нем ещё и чебурашки какие-то нарисованы!

Детский сад...

И она содрала у себя с головы ситцевого вражка, скомкала его и зажала в кулаке.

– Аня, надень... – снова начала Анькина мама, но Анька перебила её:

– Не хочу-у... Он уродский!

Мы как раз проходили мимо торгового центра, и Анькина мама шагнула в его стеклянные двери, решительно увлекая за собой Аньку. Вскоре они вернулись с большим пакетом. В нём лежали ковбойская шляпа с длинной бахромой, белая кружевная шляпка, пластиковый козырёк, бандана с черепами и бандана со стразами. Вид у Аньки был довольный, а у её мамы – почему-то слегка виноватый, и я слышала, как она Анькиному папе сказала:

– Вроде дорого здесь, зато на любой случай... И кончится это нитьё бесконечное!

А потом мы вернулись домой и сели обедать. Анькина мама разлила по тарелкам борщ.

– Фу-у, красная пресня, – скривилась Анька. – Не хочу-у...

Улица Анька

Мы с Анькой и Анькиными родителями были в Кремле. А после Кремля гуляли по городу. Сначала мы шли по тихой улочке с опрятными низкими домиками, которые мне очень понравились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.